

В. Ю. ФРАНЧУК

Отклики Задонщины в песнях, записанных для Ричарда Джемса

В 1852 г. в Прибавлениях к I тому «Известий Академии наук по Отделению русского языка и словесности» был напечатан сборник поэтических произведений, озаглавленный «Великорусские песни. Из записок бакалавра Ричарда Джемса. 1619—1620». В том же году во «Временнике Общества истории и древностей российских при Московском университете» была впервые опубликована Задонщина. Обе публикации привлекли внимание самых выдающихся исследователей своего времени и до сих пор не перестают интересовать ученых всего мира, хотя в дальнейшем их изучение пошло разными путями и привело к различным результатам.¹

В то время, как один за другим отыскивались все новые и новые списки Задонщины и устанавливались ее связи со «Словом о полку Игореве» и другими произведениями, песни, записанные для Ричарда Джемса, продолжали оставаться загадочным явлением: за многие годы лишь для одной песни были обнаружены варианты в устном народном творчестве.²

Крупнейшие исследователи и собиратели русского фольклора XIX в. не выражали сомнения относительно устно-поэтической природы песен, записанных для Ричарда Джемса, и все же о них иногда писали как о литературных произведениях своего времени,³ сочиненных кем-то на Руси в начале XVII в.⁴ Так, и А. А. Потебня, отметивший народно-песенную основу причитания царевны Ксении, фактически признает определенную индивидуальную обработку, которой эта основа подверглась: «Древним здесь может быть то, что причитает не мать, а сама невеста. Во всяком случае этот мотив, как плач самой невесты, существовал до того времени, когда по горячим следам событий применен к положению и вложен в уста Ксении Борисовны Годуновой».⁵ Много лет спустя В. Ф. Ржига, детально изучивший народные исторические песни о смерти

¹ Как правило, одни и те же ученые занимались исследованиями Задонщины и песен, записанных для Ричарда Джемса, однако попытки сравнить эти произведения неизвестны. См., однако: А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. Изд. 2-е. С дополнением из черновых рукописей «О Задонщине». Харьков, 1914, с. 179.

² См.: Л. Н. Майков. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин. — ЖМНП, 1880, ч. ССХII, № 11, с. 206; Л. С. Шептаев. Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 304—306.

³ См.: Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 1037.

⁴ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, с. 595.

⁵ А. А. Потебня. Объяснения малорусских и сродных народных песен. — Русский филологический вестник, Варшава, 1882, т. VIII, с. 79.

Михаила Скопина-Шуйского, пришел к заключению, что произведение на эту же тему, включенное в сборник Ричарда Джемса, «принадлежит перу какого-то крупного лирического таланта начала XVII в.»⁶ В. В. Данилов даже предполагал, что некоторые песни из анализируемого им сборника Ричарда Джемса представляют агитки, созданные для распространения определенных политических идей.⁷ И наконец, А. И. Стендер-Петерсен сделал вывод, что так называемые песни, записанные для Ричарда Джемса, являются «абсолютно не песнями, а сознательно составленными анонимным поэтом стихотворениями».⁸

В то же время ряд ведущих современных ученых продолжает видеть в произведениях, записанных для Ричарда Джемса, народные песни.⁹ Таким образом, вопрос о природе произведений, вошедших в сборник, все еще далек от разрешения. Может быть, ближе других подошел к истине Л. С. Шептаев, который считает, что «материал, содержащийся в этом собрании, не однороден по своему характеру и к нему следует подойти дифференцированно».¹⁰

В настоящей статье мы проанализируем два произведения из сборника Ричарда Джемса, в которых, на наш взгляд, обнаруживаются следы знакомства с Задонщиной. Это представляет интерес и для изучения Задонщины и может дать дополнительный материал для решения вопроса о жаровой природе песен.

Песня о нашествии крымских татар

Эта песня, как, впрочем, и остальные произведения сборника, сразу же после публикации вызвала большой интерес и получила очень высокую оценку. Так, В. Ягич назвал ее перлом между позднейшими произведениями народного русского эпоса.¹¹ Начинается песня не совсем обычно:

А не сильная туча затучилася,
а не силнии громы грянули:
кудѣ ѣдет собака крымской царь?
А ко сильному царству Московскому.¹²

Хотя для устного народного творчества и характерно метафорическое изображение вражеского войска в виде тучи, обращает на себя внимание непривычный эпитет *силный*, не употребляющийся в фольклоре в сочетании с существительными *туча* и *гром*.¹³ Народной русской поэзии известны *темная* и *грозная туча*,¹⁴ украинской — *чорна змара*. *Сильная*

⁶ В. Ф. Ржигга. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском. — ИпоРЯС, т. I. 1928, вып. 1, с. 133.

⁷ В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашина. — ТОДРЛ, т. II. М.—Л., 1935, с. 167—169.

⁸ А. И. Стендер-Петерсен. Стихи московского поэта-анонима начала XVII века, сохраненные Ричардом Джемсом. — Scando-Slavica, Copenhagen, 1957, т. III, s. 113.

⁹ В. П. Адрианова-Перетц, Б. Н. Путилов. Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М., 1953, с. 368, 371—372, 377; C. Stief. Studies in the Russian Historical Song. København, 1953, s. 11—60; А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX в. М.—Л., 1963, с. 17, 82, 335.

¹⁰ Л. С. Шептаев. Заметки о песнях..., с. 304.

¹¹ V. Jagić. Gradja za historiju slovinske narodne poezije. U Zagrebu, 1876, p. 62.

¹² Цит. по: П. Симои. Великорусские исторические песни, записанные для Ричарда Джемса осенью или зимою 1619—1620 года. — СОРЯС, т. LXXXII, 1907, № 5, с. 12. (Далее сокращенно: РД, с указанием страниц в тексте).

¹³ А. П. Евгеньева. Очерки по языку..., с. 335.

¹⁴ Там же, с. 318.

туча, кроме песни, записанной для Ричарда Джемса, встречается лишь в Задонщине:

На том полѣ силныи тучи ступишася,
а из них часто сияли молныи
и загремѣли громы величьи.¹⁵

Эпитет *сильный* в сочетании с существительным *гром* имеется лишь в одном списке Задонщины, вследствие чего отрывок именно этого списка, несмотря на инверсированный порядок слов, дает чтение, наиболее приближающееся к песне:

На поли Куликове тучи сил (ь) ныя изступишася,
а вид них сияли сил (ь) ныя великия молныи,
гримит гром сил(ь)ныи.

(Син., 553)

В остальных списках Задонщины, как и в «Слове о полку Игореве» и других древнерусских памятниках, — *гром великий*.¹⁶ В народной русской поэзии известен *гром гремучий*¹⁷ и *громкий*.¹⁸ Итак, можно сделать вывод, что в Задонщине эпитет *сильный* случаен и по отношению к существительному *туча*, и по отношению к существительному *гром*. Повидимому, его появление в этом памятнике объясняется смешением близких по звучанию прилагательных *синий* (ср. *синие молны* — К-Б, 549) и *сильный*,¹⁹ синонимичного к *великий*. Трудно сказать, почему автора песни о нашествии крымских татар привлек именно этот случайный в Задонщине образ, но в его интерпретации он звучит и убедительно, и поэтично.

Обращает на себя внимание и окончание песни:

Прокличет с небес господень глас:
«Ино еси собака, крымской царь!
то ли тобѣ царство не свѣдомо?
а еще есть на Москвѣ семьдесят апостолов,
опришенно трех святителей;
еще есть на Москвѣ православной царь!».

* * *

Побѣжал еси, собака, крымской царь,
не путем еси — не дорогою,
не по знамени не по черному!

(РД, 14—15)

Еще в XIX в. к строкам «Побѣжал еси, собака, крымской царь, не путем еси — не дорогою» удалось найти близкую параллель из Новгородской второй летописи в описании набега крымских татар на Москву в 1572 г.: «Крымской царь побегал от них неvirно не путми, не дорогами, в мале дружине».²⁰ Однако на этом текстуальная близость летопис-

¹⁵ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 538, список Ундольского. Далее все списки Задонщины цитируются по этому изданию с указанием страниц в тексте.

¹⁶ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Д.—К. М.—Л., 1965, с. 182.

¹⁷ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. 1—2. М., 1872—1882, с. 164.

¹⁸ Песни казаков-некрасовцев. Запись... Ф. В. Тумилевича, Ростов-на-Дону, 1947, с. 30.

¹⁹ О различных взглядах на этот вопрос см.: М. Ф. Мурьянов. «Синие молнии». — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971, с. 23—24.

²⁰ Л. Н. Майков. О старинных рукописных сборниках..., с. 207.

ного рассказа и песни кончается; по-видимому, она свидетельствует лишь о том, что и летописец, и автор песни были хорошо знакомы с народной поэзией своего времени. К тому же словосочетание «не путем не дорогою» вообще нередко встречается в фольклоре (ср.: «Не путем шел добрый молодец не дорогою»)²¹ Зато при сравнении песни с Задонщиной в небольшом по размеру отрывке можно обнаружить несколько интересных параллелей. Ср.:

... то ли тобѣ царство не свѣдомо?

(РД, 14)

Побѣжал еси, собака, крымской царь,
не путемъ еси — не дорогою.

(РД, 15)

Побѣжал еси, собака, крымской
царь, ...
не по знамени не по черному!

(РД, 15)

... а дороги нам сведомо.

(Син., 553)

Тутю поганые разлучишася розно
и побѣгше неуготованными дорогами.

(Унд., 539)

Побѣжи ты, поганый Момаи,
от нас по задѣнеш и нам от земли
Руской.

(Унд., 540)

Особенный интерес в данном случае представляет третья параллель: ведь и в одном и в другом произведении последняя строчка не совсем ясна для понимания, что и было замечено многими исследователями. Например, Ф. И. Буслаев предложил следующее толкование не совсем понятного в контексте песни словосочетания *черное знамя*: «Черное знамя (?): не синоним ли дороге? То есть черный знак по лугам».²² По мнению П. А. Бессонова, строку «не по знамени не по черному» следует понимать как «не стройно, не в рядах и не в ротах под ихним черным знаменем».²³ Позднее А. П. Евгеньева уточнила, что в сочетании *черное знамя* эпитет *черный* не относится к числу постоянных.²⁴

Что касается Задонщины, то «темное место» списка Ундольского имеет в других списках такие соответствия:

Побежи, поганый Мамаи,
и от насъ по задлѣшью.

(Ист.-1, 545)

А тым сам худыи бедныи ц(а)рю
Момаю,
чти своя избыв, вечно, поганый
Момаю,
задениши нас своим безумием, яко ж
пишет во причах: похвала бывает мужу
безумному великая погуба.

(Син., 555—556)

Указанные отличия, по-видимому, свидетельствуют о том, что переписчикам не все было ясно в тех списках, с которыми им приходилось иметь дело, и что эта неясность давняя, возможно, даже восходит к оригиналу Задонщины. Действительно, из трех списков, в которых сохранилось упоминание о бегстве Мамаи, можно сделать вывод лишь о том, что Мамаи побегал *по* (предлог *по* имеется в двух списках) какому-то пространству и что название этого пространства (или предмета) начиналось буквой *з* (три списка), возможно, кончалось буквой *и* (списки Син., Унд.) или *ю* (список Ист.-1) и состояло из 7—8 букв.

Р. Якобсон, обративший внимание на разницу в написании данного фрагмента в списках Задонщины, восстанавливает это место следующим образом:

²¹ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, с. 157.

²² Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия... с. 1040.

²³ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 7, ч. II. М., 1868, с. 57.

²⁴ А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 187.

Побѣжи ты, поганый Мамай,
и от нас по Задонечью! ²⁵

И хотя его реконструкция подверглась, как нам представляется, справедливой критике,²⁶ заслуживает внимания попытка разобраться в том, какое же написание нужно считать наиболее близким к оригиналу Задонщины. Кстати, и В. П. Адрианова-Перетц, которая в предложенной ею реконструкции Задонщины останавливается на варианте списка Ист.-1, видит в *Задльшью* испорченное *Залесью*.²⁷

Не все из приведенных выше параллелей убедительны в одинаковой степени. И все же в небольшом по размеру отрывке явственно выделяются несколько инородных вкраплений. Обращает на себя внимание также то, что и по структуре эта часть песни очень близка к исполненному иронии фрагменту Задонщины, в котором описано бегство Мамаи. Особенно похожи начало и конец обоих отрывков: в начале следует вопрос с напоминанием о русской силе, в конце — нескрываемое злорадство при описании бегства неудачливого завоевателя. Ср.:

Прокличет с небес господень глас:
«Ино еси собака, крымской царь!
то ли тобѣ царство не свѣдомо?
а еще есть на Москвѣ семьдесят
апостолов,
опришено трех святителей;
еще есть на Москвѣ православной
царь!»

* * *

Побѣжал еси, собака, крымской царь
не путем еси — не дорогою,
не по знамени не по черному!

Молвяше же ему фрязове:
«Чему ты, поганый Мамай,
посягаеш на Рускую землю?
То ты била орда Залѣская.

А не бывати тобѣ в Батыя царя.
У Батыя царя было четыреста
тысящ окованные рати...

Побѣжи ты, поганый Мамай, от насъ
по задѣнеш и нам от земли Руской».

(Унд., 540)

(РД, 14—15)

Несмотря на элементы заимствования, приведенный отрывок, как и вся песня, отличается четким композиционным решением. Уже было отмечено, что за устрашающим вопросом следует триумфальный финал, дающий ответ на этот вопрос, изложение фактов сопровождается ироническими комментариями.²⁸ Тем не менее именно финал песни дает повод говорить об ошибке, допущенной при ее переписке. Ошибка эта была замечена Б. Н. Путиловым и объяснена им настолько удачно, что нам остается лишь привести здесь его слова: «Следующие три стиха —

Побежал еси, собака крымской царь,
Не путем еси, не дорогою,
Не по знамени не по черному... —

в редакции текста, предлагаемой П. Симони, трактуются как повествование о немедленном бегстве крымского хана, услышавшего „господень глас“. В таком же смысле толкуют их и все исследователи. Между тем здесь очевидное недоразумение. „Побежал еси“ не может рассматриваться как форма „авторской“ повествовательной речи. В двух предшествующих случаях „еси“ имелось в составе обращения к крымскому хану. Очевидно, что и здесь мы имеем дело с обращением. По-видимому, и

²⁵ R. Jakobson, D. S. Worth. *Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field*. The Hague, 1963, p. 38.

²⁶ См.: А. Л. Хорошкевич, А. А. Зимин. Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до конца XVIII в. — История СССР, 1965, № 5, с. 165.

²⁷ В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 232.

²⁸ C. Stief. *Studies in the Russian Historical Song*, s. 21.

последние три стиха должны входить в „господень глас“; они означают скорее всего заключительное требование „небес“ к крымскому хану, чтобы он немедленно уходил с Русской земли. Возможно, что наше толкование требует каких-то поправок в слове „побежал“; в таком случае, может быть, мы имеем здесь дело с неточной записью либо с ошибкой исполнителя. Во всяком случае, несомненно, что песня кончается прямой речью, а не повествованием». ²⁹

Будучи принятой, поправка Б. Н. Путилова снимает самое существенное отличие песни от Задонщины, к которой последние строки как раз и являются прямой речью.

Песня о возвращении митрополита Филарета из плена

Как и рассмотренная выше, эта песня интересовала многих исследователей, высоко оценивших поэтические достоинства и историческую достоверность произведения, которое воссоздает въезд митрополита Филарета в Москву «чуть ли не вполне согласно с летописью». ³⁰ Однако в отличие от документов, детально описывающих местнические распри съехавшихся на встречу митрополита бояр, ³¹ песня дает обобщенный образ правящей верхушки, чем напоминает Задонщину:

Съѣзжались многіи князи-бояря, и многіе власти,
ко силному царству Московскому.

(РД, 8)

То тѣ съѣхалис(я) вси кн(я)зи руския
к великому кн(я)зю Дмитрию Иванович(ю).

(Ист.-1, 542)

К славному граду Москвѣ
съехались вси кн(я)зи руские.

(Унд., 536)

В научной литературе отмечалась строгость и продуманность композиции песни о возвращении из плена митрополита Филарета. ³² Однако нетрудно убедиться, что в одном месте четкость ее конструкции нарушается. Так, следующие за вступлением строки «умолил государь православной царь, князь великі(й) Михайло Федорович» не связаны с дальнейшим изложением:

А что скажут, въѣхал батюшко
Государь Филарет Микитич,
из невѣрной земли из Литовской.

(РД, 7)

Неясность эта была замечена еще П. А. Бессоновым, который попытался объяснить ее следующим образом: «А от того радость, тем умолил царь, что, говорят, приехал его батюшка». ³³ Нам представляется более правильным допустить, что в отмеченном месте при переписке песни был допущен пропуск. Это тем вероятнее, что далее наблюдается неправильное написание глагола (*въехал* вместо *выехал*), которое дополнительно

²⁹ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, с. 196.

³⁰ Е. Кале. Русские исторические песни XVII века. — Филологические записки, 1897, вып. IV, с. 1.

³¹ Дворцовые разряды, т. 1. СПб., 1850, с. 394—397.

³² А. И. Стендер-Петерсен. Стихи московского поэта-анонима..., с. 119.

³³ Песни, собранные П. В. Киреевским, с. 124.

свидетельствует о невнимательности или поспешности переписчика. Известно, что царь Михаил Федорович несколько раз обращался к польско-литовскому правительству с предложением обменять находившегося в плену митрополита Филарета и других русских пленных на знатных пленников — поляков и литовцев. Поэтому можно предположить, что в единственном дошедшем до нас списке песни о возвращении митрополита Филарета был почему-то пропущен ответ на царскую просьбу. Об этом как будто свидетельствует и начало фразы «А что скажут» (т. е. и как только они это сказали), заканчивающейся сообщением о выезде царственного пленника из вражеской земли.

Если допустить вероятность пропуска нескольких стихотворных строк и при этом учесть неизбежную разницу собственных имен и географических названий,³⁴ то становится возможным сравнить рассматриваемую часть песни с фрагментом Задонщины, ближайшим к приведенному выше. В результате такого сравнения намечаются контуры ответа, существование которого только предполагается. Ср.:

Зрадовалося царство Московское
и вся земля святурская:
умолил государь православный царь,
Князь великий Михайло Федорович.

А что скажут, въѣхал батюшко
Государь Филарет Микитич,
из невѣрной земли из Литовской;
с собою он вывез
много князей-боярь...
Сѣзжались многіи князи-бояря,
и многіе власти,
ко силнему царству Московскому.

(РД, 7—8)

На Москвѣ кони ржут,
звѣнит слава по всей земли Руской...
стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ,
звонят в колоколы вѣчныя в Вѣликом
Новгородѣ.

Стоят мужи нагородские у Софьи
прем(у)дрые, а ркут тако:
«Уже нам, брате, не поспѣть на посоль
к великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю». И как слово изговаривают, ... выехали посадники из Великого Новгорода 7000 воиска к великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю и к брату его кн(я)зю Владимиру Андрѣевичю. К славному граду Москвѣ съехали вси кн(я)зи руские.

(Унд., 536)

Сравнение двух песен (о нашествии крымских татар и о возвращении из плена митрополита Филарета) с Задонщиной позволяет внести новые детали в историю создания сборника Ричарда Джемса. Так, можно думать, что оба стихотворения созданы одним автором, — как предполагают, чиновником Посольского приказа, одним из наиболее образованных людей своего времени.³⁵ По-видимому, нельзя считать случайностью и то, что автор первых на Руси стихотворений в поисках образца обратился к поэтическому наследию прошедших эпох, используя стилистические модели произведения XIV в. Судить о списке Задонщины, которым располагал автор стихотворений, трудно. Скорее всего, он был поздним, близким к спискам Синодальному и Ундольского.

³⁴ См.: А. В. Соловьев. Словесная ткань «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». — В кн.: То Нопор Roman Jakobson, vol. III. The Hague, 1967, p. 1868.

³⁵ А. И. Стендер-Петерсен. Стихи московского поэта-анонима..., с. 113.